

Юрий Куратченко,
офицер в отставке, участник освобождения Южного Сахалина
в качестве «сына полка», Заслуженный ветеран СО АН СССР

*Памяти деда, Куратченко Семёна Прокопьевича,
участника Русско-японской войны 1904—1905 годов.
Памяти моих родителей, участников
Великой Отечественной войны
и второй Японской войны 8.08—3.09. 1945 г.,
ветеранов СО АН СССР Куратченко Марии Герасимовны
(1912—1977), работницы гостиницы «Золотая долина»
с 1962 по 1972 г., и Куратченко Алексея Семёновича
(1912—1995), работника ИЯФ СО АН СССР с 1960 по 1980 г.
Памяти всех погибших в Великой Отечественной войне
1941—1945 годов.*

Пришла пора, когда мой взгляд пылливый
Всё больше в прошлом видит яркий свет.
То ли глаза слабее стали видеть,
Иль в будущем моём уж света нет.
Да как же нет!? Ведь каждый день с восходом
Зарю встречаю, стоя на крыльце.
И руки, вслед за ещё сонным взором
Вверх тянутся, к рождаемой заре.

А солнца луч, как мать, рукою тёплой
Взъерошит нежно мятые вихры,
От лет моих уже довольно пёстрых,
Моей ещё не лысой головы.
Как весточка с далёкого Востока,
С моих родных Амурских берегов.
Всплывает солнце жёлтым, ярким оком
Из перистых, в морщинах, облаков.
В них, как с экрана, проступают лица
Родных людей, Хабаровских холмов.
И память быстро шелестит страницы
Уже давно прочитанных годов...

Вот он, Амур, ласкает берег нежно.
Шумит Амур — таёжная река —
И глубока, и широка безбрежно,
И Батюшкой по праву названа!
С отцом на плёсах, в лодочке моторной
Вдыхаю утром запахи реки —
Из смеси рыбы и мазуты чёрной
Речной неповторимой густоты.

Вот Парк культуры на краю обрыва.
«Амура волны» — светлый вальс звучит!
Душа, рябясь под звуками мотива,
В эфир, стремясь за музыкой, летит!

Свет Победы

А над Амуром льётся столько света —
Глядь отражает лучше всех зеркал!
Всё это счастье ещё в детски лета
Я на всю жизнь нутром своим впитал!

Гора Казачья. Первый стан казаков —
Хабарова и Родины народ.
С постов брусчатых, местных буераков
Дальневосточный вырос наш оплот!
Мой дед, казак, корнями — с вольниц Дона,
Там сел с войны, осваивать Восток.*
И в дереве его восточной кроны,
Со временем родился мой росток...

Вот он, знакомый старый гулкий дворик
Меж двух домов брусчатых типовых.
И вот уже со мною кто-то спорит
Из снов, в воспоминаниях моих.
Да, это ты, красивая девчонка,
Что в первый раз по-детски целовал!
А ты в ответ мне рассмеялась звонко,
Сразив мой пыл без боя, наповал.

Дом генеральский, Серышева, 20 —
Наш небоскрёб из детской высоты.
Вдруг стал для нас зловещим и опасным
В тот сорок первый — в первый день войны.
Большие окна больше не светились.
И часовой в подъезд не пропускал.
Всю ночь родители чего-то суешились.
И всех детей упрятали в подвал.

Мне на всю жизнь запомнились вкус хлеба,
Который я в ту ночь едва жевал.
И мать, которая вдруг стала офицером,
А я её такой — не узнавал.
Война, детдом — как сон в тумане грязном.
Во сне — всё хлеб в тот первый день войны,
Намазан был, как снегом, салом «лярдом».
И слёзы матери, прощальные: «Прости»...

А вот вокзал морской Владивостока.
Состав военный грузится на борт.
Корабль «Анива» быстро и жестоко
Глотает грузы в свой огромный рот.
Подростки мы, в солдатских гимнастёрках,
Сыны отцов уже второй войны,
Сыны полка, пусть в сапогах потёртых,
В строю бойцов стояли боевых.

Они уже познали вкус победы.
А мы ещё надеялись познать
Свои победы и, возможно, беды.
И рвались в бой скорей повоювать.
А август жёг металл горячим солнцем
В поход идёт наш транспортный конвой —
На Сахалин, на острова японцев
Лежал наш курс последний боевой...

Не суждено повоювать нам было.
Неделю в шторм болтались на плаву.
Взрыв атомный стёр город Хиросима.
В Корсакове закончили войну.**
Дымился город заревом пожара.
Колонна двинулась в Тоёхара,***
Как объяснил нам старший наш товарищ —
И Сахалин весь — русская земля!...

Сияло солнце в Солнечной долине.
Забором сопки город обнесли.
Он навсегда стал для меня любимым,
Мой город чести, Южно-Сахалинск!
Большая пушка с крейсера «Варяга»,
В подножье сопки — русский обелиск,
Российской символ воинской отваги.
Мы землю нашу снова обрели...

Мы с Борькой не на шутку горевали,
Что нас война боями обошла.
Его отец — сам командарм Пуркаев,
Тогда вручил пакет нам в штаб полка.
Они вторую празднуют победу.
А в городе уж комендантский час.
И он решил проверить нас на деле. —
«Вернуться в полночь!» — был такой приказ.

Мы пробирались в полумраке улиц
В расположении воинских частей.
И воинские доблести проснулись
Недетские в решимости своей.
То здесь, то там мелькали чьи-то тени.
И разговор японцев тут и там.
Бояться было нам чего — наемни,
В ночь, самураи подожгли почтамт.

У Борьки, как у старшего задания,
Был пистолет отцовский боевой.
И мы, где надо затаив дыханье,
Его невольно трогали рукой.
Вот КПП. И часовой в дозоре.
«Стой! Кто идёт!» — спасительно звучит.
«Свои. «Звезда!» — ответили паролем.
А голос от волнения звенит.

Вручив пакет, как водится солдатам,
Нас капитан с улыбкой поздравлял.
«Вас с боевым крещением, ребята!» —
Патрульный «Додж» назад нас доставлял.****
В руках везли мы то, за чем послали —
Большой объёмный, как планшет, пакет
До срока, что заданьем назначали,
Доставлен был на место, в кабинет.

Нас генерал благодарил устало.
Налил вина за первый наш успех.
И развернув пакет, достал... — гитару!
«Теперь, споём! С победою нас всех!»
И слёзы по щекам у генерала
Текли, когда он пел — «Тёмная ночь...»
Та пуля будто над столом свистала...
И подпевала мать моя, как дочь...

Пришла пора, когда мой взгляд пылливый,
Всё больше в прошлом видит добрый свет.
То ли глаза мои совсем слезливы?
Иль в будущем такого света нет?
Листает память прошлого страницы.
Там много света на его листах! —
Тот свет дарили нам родные лица.
Их свет Победы светит нам в веках!

Новосибирск, 2010 г.

* С Русско-японской войны 1905 года.

** Корсаков — западный порт на острове Сахалин.

*** Тоёхара — японское название города Южно-Сахалинска.

**** «Додж 3/4» — американский фронтальный тягач.

Нашёлся «Портрет живописца»?

линской городской картинной галереи, а в 1941—1945 гг. — у местного художника Е. Е. Грейлиха. В 1945 г. портрет поступил в Киевский музей русского искусства. В 1975 г. возвращен в Донецкий областной художественный музей, куда поступил как «Автопортрет (?)» А. Г. Варнека. Название отклонено как не соответствующее иконографии художника. Портрет имеет жанровый оттенок, который ему придают атрибуты искусства и жест портретируемого. Папка с рисунками, держатель с сангиной в поднятой руке, словно соразмеряющий пропорции натурры, представляют юношу как занятого студией художника и придавая изображению сходство с академическими программами щукинско-портретного класса 1800-х. Вопрос о возможном авторстве Варнека требует дополнительного исследования».

Хорошо зная список произведений художника, приведенный в монографии В. С. Турчина (Александр Григорьевич Варнек. 1782—1843. М.: Искусство, 1985), я практически сразу отождествил данный портрет с одной из самых ранних работ Варнека. Авторское название её «Портрет живописца». В примечаниях сообщается, что написана она в 1802 г., а местонахождение её не-

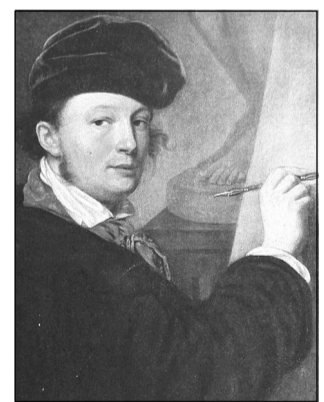
известно. Информация о том, где находилась картина в последующие после написания годы, в примечаниях отсутствует.

У В. С. Турчина говорится, что работу эту, являющуюся программным произведением, ученик С. Щукина Александр Варнек написал за год до окончания Петербургской академии художеств и получил за нее Большую золотую медаль. Следствием этого стала пенсионерская поездка выпускника Академии в Италию сроком на пять лет. Является ли данная работа автопортретом юного художника, трудно сказать. Л. Н. Целищева в своей монографии, посвященной С. Щукину (1979), предполагает, что, скорее всего, художник на данном портрете изобразил одного из своих товарищей по портретному классу. Однако некоторое сходство облика «живописца» с обликом автора «Автопортрета в бархатном берете с рейсфедером в руке» (ГТГ), как мне кажется, имеется.

Наряду с этим можно говорить о стилистической близости обсуждаемого портрета с такими более поздними работами А. Г. Варнека, как портреты А. Тучкова (начало 1810-х) и А. Строганова (1812). Названные портреты воспроизводились в предыдущих статьях автора,

опубликованных в «НВС» (№7-8 за 2008 г. и № 27 за 2010 г.). Говоря о стилистической близости данных работ, я имею в виду положение модели на портретах, поворот головы, взгляды молодых людей, соотношение размеров модели и фона, сам фон в виде сумрачного романтизированного пейзажа и некоторые другие особенности живописи художника.

Приведу в заключение дополнительные аргументы в пользу своей «атрибуции» портрета Донецкого художественного музея. Считаю, что авторство работы подтверждается прежде всего отмеченным выше стилистическим сходством её с названными выше, а также другими произведениями Варнека, в том числе с «Автопортретом в бархатном берете...», «Портретом молодого офицера» (ГРМ) и т.д. Кроме того, следует учесть, что список работ художника за первые десять лет его деятельности выполнен довольно аккуратно, и в нем нет тех «белых пятен», которые начнут появляться в более поздние годы. Однако, просматривая данный список, не найдешь альтернативных вариантов отождествить «донецкий» портрет с какими либо другими работами Варнека периода 1800—1810-х, местонахождение которых остается

неизвестным. Поэтому можно заключить, что данная работа — это и есть тот самый «Портрет живописца», который был написан им в 1802 г. и сыграл в жизни художника очень важную роль.

Тем не менее, замечу, что подобная «атрибуция» — это всего лишь точка зрения (гипотеза) автора статьи. Безусловно, окончательную атрибуцию портрета должны провести специалисты.

Владимир Варнек,
к. ф. -м. н., ИИХ СО РАН
На иллюстрациях:
— портрет Донецкого художественного музея;
— А. Г. Варнек. «Автопортрет в бархатном берете с рейсфедером в руке». Ок. 1814. Государственная Третьяковская галерея.